
Сергей Маловичко

**ИСТОРИОГРАФИЯ
ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ**

В историографии существуют давние традиции изучения местной истории, однако они долгое время не признавались и/или не признаются как научные. Само предложение заняться изучением провинциального сообщества, как замечает Джозеф А. Амато, не вызывает у профессиональных историков ничего, кроме раздражения. Они судят о местных или региональных исследователях, как об узко сосредоточенных на факте собирателях и эксцентричных рассказчиках¹. Поэтому нередко студентам-историкам продолжают указывать на отличия научной (критической) истории и истории местной².

Было бы ошибочным считать, что в создавшемся положении виноваты историки, идентифицирующие себя с полем профессиональной историографии. Следует согласиться со справедливым замечанием Амато, что во многом повинны в этом сами местные историки, обращающие мало внимания на достижения современной науки. Вот почему взаимоотношения профессиональной и местной историографий напоминают «улицу с двухсторонним движением», где игнорирующие друг друга объекты сами являются выразителями этого пренебрежения по отношению друг к другу³.

Используя метафору «улицы», так удачно предложенную современным американским историком, следует добавить, что «двухстороннее движение» по этой улице было проложено уже довольно давно. В конце XIX в. провинциальный историописатель К. Д. Головщиков, совершенно не понимая суть критики своей эрудитской историографической операции со стороны профессионального столичного историка, назвавшего его «источники [календари, журналы, газеты, энциклопедический словарь и т.д.]» разной «дребеденью», продемонстрировал полное непонимание сути исторических источников и историографии,

---

¹ *Amato, Joseph A. Rethinking Home: A Case for Writing Local History.* — Berkeley & Los Angeles: Univer. of California Pr., 2002. — P. 4.

² См., например программу курса «Локальная история» М. Т. Оллиффа: *Local History: Course Syllabus by dr. Martin T. Olliff.* 2003 /<http://as.tsud.edu/molliff/4471/4471syl.htm/>

³ *Amato, Joseph A. Rethinking Home.* — P. 4.

ответив ему: «При составлении своей книги я пользовался многими *источниками* (курсив мой. — С. М.), вышедшими позднее истории Карамзина»⁴. Русский местный историописатель собирал из популярной литературы и сочинений историков занимательные факты, и не случайно такой подход был встречен резкой критикой профессионального историка. В итоге ни тот ни другой не поняли друг друга.

В последней четверти XX в. в книге «Локальная история в Англии» В. Г. Хоскинс отмечал ту же любовь к фактологии в современном ему британском местном историописании, подчеркивая, что местные историки до сих пор озабочены фактами без должного понимания современных задач научной историографии⁵. XXI век не избавил историческое знание от этой проблемы. В канадской историографии ее находит Г. Хэйс, отмечающий, что местные историки «больше концентрируются на фактах»⁶.

Еще в середине XVIII в. Жан Леруа Д'Аламбер в известной французской «Энциклопедии» назвал не умеющих обрабатывать материалы и жадных до фактов исследователей «*эрудитами*» и «*антиквариями*»⁷. Названия таких типов письма истории (антикварный и эрудитский) закрепились, в первую очередь, за провинциальными исследователями местной истории. Например, затронувший проблемы французской и итальянской историографии известный историк А. Момильяно обратил внимание на то, что интерес для работающих в провинциях Италии и Франции антиквариетов представляют, в первую очередь, исторические факты, но тем не менее этот интерес всё же является историей⁸. Не так давно Марк Салбер Филипс не только поставил рядом антикварное и эрудитское отношения к истории, но и объединил их, как — «*antiquarian erudition*». Однако, в отличие от Момильяно, он отделил их от истории научной⁹. Таким образом, антикваризм и эрудизм не только дополняют друг друга, но и не всеми признаются научными.

⁴ См.: Головицкий К. Д. Город Романов-Борисоглебск (Ярославской губернии) и его историческое прошлое. — Ярославль, 1889. — С. II–IV.

⁵ Hoskins W. G. Local History in England. 3rd ed. — Longman, London & New York, 1984.

⁶ Hayes G. Local History and Memory. 2003/ <http://www.arts.uwaterloo.ca/~ghayes/local.htm/>.

⁷ d'Alembert, Jean Le Rond. «Érudit» et «Érudition» // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. — Т. 5. — Paris, 1751. — P. 913–918.

⁸ Momigliano, Arnaldo. Les fondations du savoir historique // Momigliano, Arnaldo. Les fondations du savoir historique. — Paris, 1992. — P. 61.

⁹ Phillips, Mark Salber. Reconsiderations on History and Antiquarianism: Arnaldo Momigliano and the Historiography of Eighteenth — Century Britain // Journal of the History of Ideas. — 1996. — Vol. 57. — No. 2. — P. 301–302.

Рефлексирующие о научной истории местные исследователи уже начали понимать создавшуюся проблему, например, входящие в «Британскую ассоциацию локальной истории» историки указывают, что их направление имеет «антикварное происхождение», характеризующееся сосредоточенностью на мелком/узком историческом объекте, ограниченностью исследования историческими деталями этого места и т.д. Признавая это, они идут дальше и пытаются осознать, «насколько современный местный историк отличается от антиквара?»¹⁰

Следует указать на важность самого обращения современных британских историков к такой проблеме.

В российской провинциальной историографии и историческом краеведении исследователи находят как *антикваризм*, так и черты *эрудитского* типа историописания¹¹. Антикваризм характеризуется тягой историописателя к мелкому, ограниченному, устаревшему; эрудитский тип — страстью к любым, даже недостоверным сообщениям источников, чужим текстам и вообще сбору большого объема «фактов» без их серьёзного анализа. Уход от анализа сообщений источников, событий и фактов не позволяет эрудиту ответить на главный вопрос, стоящий перед каждой исторической работой: каково своеобразие объекта исследования в ряду других объектов?

Характеризуя современное краеведение, В. Н. Козляков отмечает как раз присущие ему эрудитские и антикварные черты, подчеркивая, что с научной точки зрения в традиционном краеведении присутствует «ограниченность предмета исследования и, как следствие, выводов... Имея под руками только «свой» материал, краеведы мало интересуются общей историей России, их работы имеют лишь служебное, прикладное

¹⁰ См.: *Wishart, Jill*. Local Historians and Antiquarians // *Local History News*. — 2005. — No. 74. Spring /<http://www.balh.co.uk/lhn/issue.php?volume=1&issue=74>

¹¹ См.: *Румянцева М. Ф.* Локальная история в актуальном социокультурном пространстве // *Ставрополь — врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы Региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя* / Отв. ред. В. А. Шаповалов. — Ставрополь, 2002. — С. 28–34; *Маловичко С. И., Стрелов В. И.* Романтическая дискурсивная практика в ставропольском историописании о развитии образования в губернии // Там же. — С. 115–127; *Маловичко С. И.* Провинциальная историография второй половины XVIII–XIX вв.: выработка черт эрудитского типа исторического знания // *Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф.* / Отв. ред. В. А. Муравьев. — М., 2003. — С. 199–202; *его же:* Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // *Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории*. — Вып. 7. — Ставрополь, 2005. — С. 5–27; *Штергер М. В.* Провинциальная историческая мысль последней трети XIX — начала XX века (по материалам Тобольска и Омска) // *Автореф. дис... канд. ист. наук*. — Омск, 2003. — С. 9.

значение¹². Л. Б. Сукина добавляет, что сегодня, к сожалению, на стезю «антикварной истории» нередко скатываются исследователи истории русских городов. Их труды строятся, в основном, «по привычным хронологическим схемам, заимствованным из вузовских и школьных учебников истории. Большие усилия специалистов тратятся на то, чтобы «закрыть» цифрами и фактами тот или иной отрезок городской истории, пусть даже и не оказавший никакого влияния на будущее развитие региона. Полученная информация даже после публикации часто остается никем не востребованной, так как почти ничего не дает для лучшего понимания событий и феноменов прошлого и при этом не обладает качеством занимательности»¹³.

Нужно согласиться с мнением, что теория всегда была важной частью исторического исследования, но не тогда, когда она превращается в старую и отяжелевшую традицию¹⁴. Явление, о котором говорит Сукина, непосредственно с этим связано. Современный историк может манифестировать свою приверженность «микроистории», «истории снизу», «новой культурной истории» и пр. Однако хронологическая структура его работы и эрудитская фактологичность, которые уже несколько столетий посредством школы из теории европейского историописания превращались в традицию массового сознания (которой не нужны никакие сноски), выдают его традиционное краеведческое историописание.

Надо согласиться с М. Ф. Румянцевой, что на сегодняшний день мы, к сожалению, наблюдаем, что одна из причин актуализации краеведения — это его поощрение государством. Поэтому краеведение выступает как идеологическое средство государственного или национального утверждения. Это обстоятельство не могло не повлиять на усиление когнитивной модели краеведения и одновременно на актуализацию прежней краеведческой традиции, которая продолжает поставлять «необходимый иллюстративный материал для подтверждения отдельных, нередко противоположных тезисов, выдвигаемых специалистами по национальной и региональной истории...»¹⁵

¹² Козляков В. Н. Провинциальный «мир»: очерки истории и культуры. — Рязань, 2002. — С. 5.

¹³ Сукина Л. Б. Исследования одного города в различных локусах национального исторического пространства // V научная интернет-конференция: Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространстве. 21 декабря 2007 г. Ставрополь — Москва /<http://www.newlocalhistory.com/inetconf/2007/tezis=ic07sukina/>

¹⁴ См.: Mattingly, Joanna. Tradition versus History // Local History News. — 2007. — No. 85. Autumn /<http://www.balh.co.uk/lhn/article.php?file=lhn-vol1iss85-8.xml/>

¹⁵ Румянцева М. Ф. Новая локальная история и современное гуманитарное знание // Новая локальная история. — Вып. 3. — Ставрополь & Москва, 2006. — С. 271-275.

Следует добавить, что традиционная исследовательская практика местной истории проникнута еще и определенной местной идеологией, которая рождает ксенофобские, а также националистические тексты. Кэтрин Нэш замечает, что в практике ирландской местной истории присутствует навязчивая идея фокусироваться на «уникальном» прошлом тех или иных мест (антикваризм), и ее последствием стала политизированная «разделенная история». Новая историографическая практика, добавляет Нэш, должна это учитывать и стараться избегать замкнутых в себе исследовательских моделей¹⁶.

Итак, эрудитский тип исторического письма, как и антикварное отношение к истории, присутствовали и присутствуют, по крайней мере, в национальных историографиях, уходящих своими корнями в классическую европейскую историографическую традицию. Они были и остаются.

Однако, такую практику можно найти и в национальной историографии обществ, испытавших влияние классической европейской науки, но сохранивших и свойственные именно им локальные черты исторического знания. Пример последнего явления есть в китайской местной истории. Городские истории современного Китая, по характеристике датского историка Клаузена Сёрена, это собственно «историко-бюрократические хроники», которые представляют собой сборники фактов. Кроме европейской эмпирики, там присутствует еще конфуцианская традиция «бюрократического взгляда на общество» и уникально китайская практика делать текст практическим инструментом местной администрации. Сёрен добавляет, что пишутся такие истории с одобрения последней¹⁷.

Традиционная практика местной истории страдает погоней за фактами и некритическим к ним отношением. Как уже выше отмечалось, не все ученые признают подобную практику научной, и эта проблема очень болезненна как для носителей самой этой практики, так и для тех, кто изучает местные или региональные объекты в профессиональном поле историографии. Поэтому историки вполне оправдано признают неоднородность поля местной историографии и пытаются его осторожно систематизировать. Украинский историк Я. В. Верменич называет краеведение и локальную историю *разными фазами* или ступенями развития научного знания¹⁸. Обративший

¹⁶ Nash, Catherine. Local Histories in Northern Ireland // History Workshop Journal. — 2005. Vol. 59. — No. 1. — P. 45–68.

¹⁷ См.: Clausen, Soren. Autobiography of a Chinese City: The History of Harbin in the Mirror of the Official City Gazetteer // Historiography East and West. — 2004. — Vol. 2. — No. 1. — P. 144–172.

¹⁸ Верменич, Ярослав. Нова локальна історія та історична регіоналістика: експлікація термінів // Регіональна історія України. Вип. 1. — К., 2007. — С. 23.

внимание на операционные возможности историографических практик американский историк Джеймс Сидбьюри традиционную практику сбора фактов охарактеризовал как «экстенсивно работающую», в противоположность «интенсивной» практике других исследователей, рефлексирующих о новых методах¹⁹. Другой историк Майкл Гордон предлагает студентам искать различия не между научной и местной историями, а между научным изучением локальной истории и ненаучной практикой историописания²⁰.

Традиционное историческое краеведение отличается от нормативной историографии своей тягой к эмпирическому знанию. Это знание побуждает местных исследователей обращать внимание на сбор любых «фактов». Сам «сбор» — это экстенсивная модель исследования, в которой присутствует комментирование всего, что есть в нарративных источниках, исторической литературе, легендах, устной истории; чаще всего она связана с некритическим отношением к ним, с произвольным отношением к «фактам» и мнениям о них, вплоть до построения произвольных исторических фигур. Несмотря на то, что со второй половины XX в. во всех регионах России шёл и идёт значительный рост числа профессиональных историков, черты эрудитского типа исторического знания сохраняются именно в исследовательских полях местной истории.

Практику исторического краеведения и локальной истории многие признают наукой, которая ведет сбор материала по самым разным видам человеческой деятельности, а объект ее исследования занимает определённое место в исторических исследованиях ниже национального уровня, но выше уровня семьи и индивидуума. Под влиянием такой иерархии оказались не только профессиональные историки первой трети XX в. (И. М. Гревс, С. И. Архангельский и др.), но ученые и местные историки конца XX в. (Д. С. Лихачев, О. Алсвик и др.)²¹. Сама эта иерархичность связана с прежним отношением историографии к государственной истории. История долгое время была в большей степени государственной, нежели местной или какой-либо иной. Несмотря на то, что существовали история церкви, военная история,

¹⁹ Sidbury, James. Plausible Stories and Varnished Truths // The William and Mary Quarterly. — 2002. — Vol. 59. — No. 1. — P. 179–184.

²⁰ См.: Gordon, Michael. Research methods in Local History: Spring 2004/ <http://www.uwm.edu/Course/448-715/syllabus.html/>

²¹ См.: Гревс И. История в краеведении // Отечество: Краеведческий альманах. — Вып. 2. — М., 1991. — С. 6, 9, 14; Архангельский С. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. — Т. 4. — № 4. — С. 193–194; Лихачев Д. С. Краеведение как наука и как деятельность // Историческое краеведение в СССР: Вопросы теории и практики: Сб. науч. статей. — К., 1991. — С. 3–4; Alsvik, Ola. The Norwegian Institute of Local History and Local History in Norway. — Oslo, 1993. — P. 1–2.

история искусства или науки (как и локальная история/краеведение), в целом, указывает Питер Бёрк, они рассматривались как маргинальные научные направления, периферийные к интересам «настоящих» историков²².

При выходе «за пределы традиционного / классического способа историописания, связанного с линейными моделями исторического развития, при становлении цивилизационных подходов в условиях начала глобализации и, следовательно, кризиса линейных метанарративов национально-государственного уровня, — замечает М. Ф. Румянцева, — усиливается внимание к коэкзистенциальной составляющей исторического развития»²³, а значит, в этом новом цивилизационном коэкзистенциальном пространстве становятся необходимыми разные истории.

Постмодернизм обнажил пределы государственной истории. Новая историографическая культура подорвала традиционное различие между тем, что представлялось «главным» в исторических исследованиях (государственная история) и тем, что считалось «периферийным» (локальная история). Однако отказ от историографической иерархии, существовавшей в классической европейской исторической науке, еще не снимает другую проблему, а именно: есть ли перспектива для дальнейшего существования местной истории в рамках быстро меняющейся, все более профессионализирующейся научной историографии?

Некоторые ученые находят большой риск в профессионализации местной истории, т.к. этот процесс подрывает доверие находящегося во власти местных мифов общества к историографии, бросающей вызов местным предпочтениям²⁴. Есть ли смысл, спрашивает челябинский историк И. В. Нарский, вывести локальную историю «в свет и придавать ей статус полноправного детища в многоликой семье историографии?»²⁵ Нам уже приходилось писать, что конечно, есть, но не решаем ли

²² *Peter Burke. Overture: the New History, its Past and its Future // New Perspectives on Historical Writing / Ed. by Peter Burke. 2nd ed. — University Park, PA: Pennsylvania State Univer. Pr., 2001. — P. 3.*

²³ *Румянцева М. Ф. К вопросу об источниковой базе и методах изучения сельской истории // V научная интернет-конференция: Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространстве. 21 декабря 2007 г. Ставрополь — Москва /http://www.newlocalhistory.com/inetconf/ 2007/tezis=ic07rumyanceva/*

²⁴ *Weyenth, Robert R. The Risks of Professionalizing Local History: The Campaign to Suppress My Book // Public History News. — 2003. — Vol. 24. — No. 1. — P. 1-2.*

²⁵ *Нарский И. К вопросу о прошлом и будущем политической локальной истории поздней Российской империи // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках: Сборник статей / Под ред. И. В. Нарского. — Челябинск, 2003. — С. 21.*

мы исследовательскую судьбу других? Новая историографическая культура плюралистична, она признаёт множество методологических подходов, исследовательских приёмов; историки должны находить способы самоидентификации, что является нормальным, здоровым состоянием науки, которая обязана давать возможность конкуренции множеству историографических практик²⁶.

Профессиональные историки всё ещё с недоверием смотрят в сторону занятий местной историей или историческим краеведением. «К сожалению, многие историки-учёные, — пишет Е. Егорова, — стараются дистанцироваться от самого термина «краеведение», что само по себе не случайно». Егорова предлагает для «смягчения обстановки» отказаться от самого этого термина в пользу исторической регионалистики. Краеведение же, по её мнению, можно «оставить для любителей местной истории и старины, разграничив тем самым поля деятельности»²⁷. Такое предложение представляется неприемлемым. Мы не можем брать на себя право делать выбор за исследователей, специализирующихся в области исторического краеведения. Это их прерогатива.

Следует понимать, что разговор о «научности» региональной истории, новой локальной истории и «(не)научности» краеведения должен учитывать тот факт, что речь идет не столько о разных исследовательских областях дисциплинарной историографии, сколько о разных практиках исторического сознания. Отношения традиционного краеведения с наукой более сложные, чем нам иногда кажется. В данном случае, «не научная» или «не совсем научная» практика традиционного краеведения не может оцениваться профессиональным историком как «плохая». Она просто *другая*, чем и представляет определенную культурную ценность. Однако нужно понять, что эта ценность больше принадлежит *массовому сознанию*, нежели историографии, и ее изучение может быть плодотворным только с учетом культурного контекста, представленного как историографией, так и массовым сознанием.

В последние годы историки стали предлагать разные подходы для изучения локальных сообществ. Многие видят выход из традиционной практики местного историописания в поле микроистории. По их мнению, принцип, на котором основывается

²⁶ Малоличко С. И., Булыгина Т. А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. — Вып. 1. — Ставрополь, 2003. — С. 14.

²⁷ Егорова Л. Перспективы развития и использования методов школы исторического краеведения в сфере локальных исторических исследований // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX — XX веках. — С. 51–52.

такое исследование, предлагает интенсивное, кропотливое изучение небольших территорий и сообществ, проживающих там. Новые методы работы с историческими источниками и микроисторические обобщения, как считают такие ученые, могут вполне изменить наше восприятие метаисторических обобщений, представленных в виде социальных, экономических и культурных тенденций прошлого²⁸.

Можно согласиться с выводом редактора английского журнала «Локальный историк» Аланом Кросби: такую практику надо приветствовать, но микроистория не может и не должна быть единственным подходом, используемым местным историком. Это лишь один из инструментов, который помогает исследователю выходить на новый уровень анализа²⁹.

В 2006 г. британская исследовательница Кэйт Тиллер, рассматривая проблемы и вызовы современности локальной истории, выделила её четыре практики (она их назвала широко распространенными типами местной истории): история локального сообщества, персональная и семейная история, юбилейная, посвященная праздничным датам местная история и научная (academic) локальная история. По мнению ученого, сегодня может быть востребована лишь такая практика местной истории, которая отвечает на вызовы времени и современной науки³⁰.

Конечно, это представление не могут разделить все местные историки. Исследователи, занятые традиционным историческим писанием, не считают, что такая проблема существует вообще. Поэтому очень важно, считает Алан Кросби, чтобы эпистемологические и методологические проблемы, вопросы о природе и целях предмета «локальная история» ставились и решались. В связи с этим Кросби призывает местных историков обращать больше внимания на устную историю, историю семьи, а также на инструментарий, позволяющий использовать эти сложные области в своих исследованиях³¹.

Сказанное не означает, что сегодня профессиональная историография видит панацею ухода от традиционного исторического нарратива в изучении микросообщества в устной или

²⁸ French, Christopher. Taking Up «The Challenge of Micro-History»: Social Conditions in Kingstone Upon Thames in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // The Local Historian. — 2006. — Vol. 36. — No. 1. February /http://www.balh.co.uk/tlh/issue.php?volume=36&issue=1.

²⁹ Crosby, Alan. Editorial // ibid.

³⁰ Tiller, Kate. Local history brought up to date // Ibid. — 2006. — Vol. 36. — No. 3. August /http://www.balh.co.uk/tlh/issue.php?volume=36&issue=3.

³¹ Crosby, Alan. Editorial // Ibid. — 2006. — Vol. 36. — No. 4. November /http://www.balh.co.uk/tlh/issue.php?volume=36&issue=4.

семейной истории. Среди историков получают все большее распространение глобальная и транснациональная истории, и поэтому слышатся голоса, что «новая святая чаша Грааля» находится отнюдь не в исследовательских полях (даже научных) семейной, локальной или региональной историй³². Такие возражения основаны на радикальном неприятии уже довольно значительным числом историков не только государственных, но и национальных историй. Нация перестает в их глазах быть единственным референтом исторической конструкции, а если трудно представить местную историю, микроисторию и даже семейную историю ненациональными, то и они автоматически теряют свою актуальность.

В последние годы все отчетливее выделяется мнение, что историки должны переоценить почти все прежние методы и подходы, отдать себе отчет об изменении эпистемологических основ исследований. Необходимо, указывает Сигурд Г. Магнуссон, учесть вызов времени и наметить пути, по которым историки смогут двигаться вперед, находить инструментарий, позволяющий лучше понимать прошлое. Постструктурализм дал уверенность, что теоретические категории, бравшиеся ранее за основу в социоисторических исследованиях, больше недостаточны, и социальные историки должны принять во внимание этот факт, подчеркнул ученый³³.

Изучающие локальные сообщества историки под влиянием, с одной стороны, новой социальной истории, с другой, новой культурной и/или «социокультурной истории» переориентируют свое внимание с концептов «класс», «социальная группа», «общественная страта» в области «образа жизни», а также «культурного значения» и обращаются к устной, а также новой локальной историей. Примером такого исследования выступает работа Джо Морана, обратившего внимание на культурное значение берлинской «Стены». Автор сделал интересную попытку репрезентации повседневности (очереди, пробки и т.п.) западных и восточных жителей Берлина, а также исчезновения этой ставшей привычной повседневности после 1989 г.³⁴ В традициях нового контекстуализма ученые делают попытку изучения истории локального сообщества в контекстах региона и субрегиона, используя для рассмотрения «слоистого

---

³² См., например: AHR Conversation: On Transnational History // *The American Historical Review*. — 2006. — Vol. 111. — No. 5. — P. 1441–1464.

³³ *Magnusson, Sigurdur Gylfi*. Social History as «Sites of Memory»? The Institutionalization of History: Micro-History and the Grand Narrative // *Journal of Social History*. — 2006. — Vol. 39. — No. 3. — P. 891–914.

³⁴ *Moran, Joe*. November in Berlin: the End of the Everyday // *History Workshop Journal*. — 2004. — Vol. 57. — No. 1. — P. 216–234.

регионального пейзажа» не только «лупу» (микроистория), но и «телескоп» (макроистория)³⁵.

Под влиянием современной историографии сегодня оказалось и такое традиционное направление как политическая история. Так, Роджер Оттевилл выделяет четыре подхода к политической истории локального сообщества: «поиск политических противоречий» ('political controversy'); «микрокосмический» ('microcosmic'), в котором местная политика подается как миниатюризированная версия национальной политики; «микроскопический» ('microscopic'), где политическая история сообщества изучается подробно ради себя самой; и четвертый, более сложный, подход — «локалистский» ('localist'), в котором проводится детальный местный анализ с привлечением теоретических или философских контекстов³⁶.

Историческое исследование не может обойтись без структуры, основанной на хронологии, периодизации или географии. Последняя традиционно ограничивает объект исследования в национальных, региональных или локальных административных единицах. Однако сегодня историки, обсуждающие вопрос о «локусе», предлагают отказаться от таких образцов и обратить внимание на «пространство» и «пространственные образы», изменяющиеся во времени, а потому не всегда совпадающие с политическими и административными границами³⁷. Пространство и пейзаж не существуют помимо человеческой культуры, они изобретены человеком, который строил пространственную идентичность для определенного локуса, места проживания, отдыха и иных своих действий. Именно таким образом появлялся местный или национальный стереотип³⁸. «Пространственный поворот» в историографии сегодня начинают все более актуализировать и, не случайно историки заговорили даже о «пространственной» теории истории³⁹.

³⁵ Hofstra, Warren R. *The Planting of New Virginia: Settlement and Landscape in the Shenandoah Valley*. — Baltimore and London: The Johns Hopkins Univer. Pr., 2004.

³⁶ Ottewill, Roger. 'Virgin territory' Researching the local history of interwar Britain // *The Local Historian*. — 2007. — Vol. 37. — No. 1. February /<http://www.balh.co.uk/tlh/issue.php?volume=37&issue=1/>.

³⁷ Stearns, Peter. Social History and Spatial Scope // *Journal of Social History*. — 2006. — Vol. 39. — No. 3. — P. 613–614.

³⁸ Подробно: Маловичко С. И. Историография после «культурного поворота»: пространственный подход и новая локальная история // V научная интернет-конференция: Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространстве. 21 декабря 2007 г. Ставрополь — Москва /<http://www.newlocalhistory.com/inetconf/2007/'tezis=ic07malovichko/>.

³⁹ См.: Ethington, Philip J. Placing the Past: 'Groundwork' for a Spatial Theory of History // *Rethinking History*. — 2007. — Vol. 11. — No. 4. — P. 465–493.

Среди вызовов современной исторической науки теоретики локальной истории признают использование новых историко-ведческих приемов. Рассуждая об этом, Алан Кросби замечает, что новые архивные «открытия» вряд ли ждут историков, большинство документов уже использовались исследователями и были введены в научный оборот ранее. Поэтому можно говорить не о возможности использования полностью нового источника, а скорее о новом взгляде на его материал, постановку новых вопросов тексту источника. Местные историки должны искать альтернативы традиционному объяснению, создавать новые программы исследования. Кросби поясняет, что это известная истина, но почему многие местные историки ограничивают себя лишь давно проверенной традицией, игнорируют вызовы новой исторической науки? Почему они изучают образование Викторианской эпохи в том или ином месте, но не включают его в более широкий контекст культуры? Почему они смотрят на архитектуру приходской церкви, но игнорируют общую культуру? Разве историки не должны расширять наше поле и горизонты исследования? Упрекнув этими вопросами местных исследователей, Кросби отметил, что не использованным потенциалом традиционной локальной истории уже воспользовалась ориентированная на достижения современной историографии «новая» локальная история ('new' local history)⁴⁰.

Можно заметить интересную тенденцию, когда, с одной стороны, историки, изучающие глобальные процессы, начинают обращать больше внимания на региональные и локальные объекты, признавая, что локальные исследования получают только определенные достоинства от понимания отношений к более широким образцам и сравнениям⁴¹. С другой стороны, специалисты в области локальной истории отмечают, что в истории почти все является местным или явно имеет местное измерение. Поэтому сегодня, как подчеркивает Кросби, настоятельно необходимо запоздалое осознание, что локальные исследования нуждаются в широком историческом анализе, глубоком, выходящем за границы объектов изучения понимания исторических тенденций и потребностей науки⁴². В данном случае, имеется в виду локалистский подход.

Указанный подход сегодня заинтересовал не только британских исследователей. В 2006–2007 гг. американскими историками

⁴⁰ Crosby, Alan. Editorial // *The Local Historian*. — 2006. — Vol. 36. — No. 2. May /<http://www.balh.co.uk/tlh/issue.php?volume=36&issue=2/>.

⁴¹ Stearns, Peter N. Social History and World History: Prospects for Collaboration // *Journal of World History*. — 2007. — Vol. 18. — No. 1. — P. 43–52.

⁴² Crosby, Alan. Editorial // *The Local Historian*. — 2006. — Vol. 36. — No. 2. May /<http://www.balh.co.uk/tlh/issue.php?volume=36&issue=2/>.

проводилась серия научных мероприятий, где четко обозначился перенос интереса с истории национальной политики на историю местных органов управления. В американской историографии складывается занимательная ситуация, когда обращение профессиональных историков к локальным объектам происходит без всякой рефлексии о традиционной американской локальной и региональной историях. Современных исследователей можно понять: говоря о «второй попытке» локалистской практики, они акцентируют внимание на широком культурном контексте в противоположность антикварному (изоляционистскому) подходу традиционного локального и регионального историописания⁴³.

Таким образом, как замечает украинский историк Т. Н. Попова, сегодня «локальная история переживает «второе рождение», что связано с влиянием методологических новаций — «новой исторической науки»: смена историографических приоритетов — обращение к антропологически ориентированной социальной истории, внедрение принципов междисциплинарной методологии»⁴⁴ и т.д. Российский историк Л. Б. Сукина добавляет, что поиск новых направлений и методов исследования истории отдельных локусов, «их расположения в контексте общенациональной истории, представляется нам назревшей необходимостью и должен продолжаться. Другого пути сделать региональную историю актуальным, востребованным в настоящем и будущем знанием, мы пока не видим»⁴⁵.

Рефлексия о современном состоянии исторического знания и перспективах изучения национальной и местной историй позволила ставропольским (Ставропольский государственный университет) и московским историкам (Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева и Российский государственный гуманитарный университет) начать процесс институционализации направления «новая локальная история» в России⁴⁶, в которое были привнесены многие принципы и подходы новой исторической науки и, в частности, интеллектуальной истории.

⁴³Thompson, Peter. Inventive Localism in the Seventeenth Century // The William and Mary Quarterly. — 2007. — Vol. 64. — No. 3. — P. 525–548.

⁴⁴Попова, Татьяна. К анализу региональной историографии: институциональный подход // Регіональна історія України. — Вип. 1. — С. 49.

⁴⁵Сукина Л. Б. Исследования одного города в различных локусах национального исторического пространства // V научная интернет-конференция: Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространстве /<http://www.newlocalhistory.com/inetconf/2007/'tezis=ic07sukina/>.

⁴⁶См.: Сайт «Новая локальная история» /<http://www.newlocalhistory.com/>.

Известно, что современная интеллектуальная история выросла из критического анализа социальной истории, к которой имеет отношение и локальная история. В нашем случае ирония заключается в том, что российские историки, приступившие к конструированию теоретической базы новой локальной истории, пришли к ней из интеллектуальной истории. Основной отличительной чертой последней сегодня признается *контекстуализм*, связь изучаемых ею идей с культурным и социальным контекстами, в которых эти идеи рождались, развивались, транслировались, видоизменялись или прерывались.

Не случайно в *теоретическую основу новой локальной истории* был заложен принцип *широкого контекстуализма*. Историкографическая практика новой локальной истории покоится на рефлексии о способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней⁴⁷. Новая локальная история находится в исследовательской области *новой социально-культурной истории*. *Историко-культурный подход* помогает переносить акцент с анализа процессов на анализ структур, с линейного исторического метанарратива на локальные социокультурные пространства и их включенность в пространство глобальное, в глокальную перспективу.

Такое утверждение покоится не только на рефлексии о новой локальной истории, не имеющей твёрдо установленных образцов, примеров, или аналогий, на которые можно было бы опереться, отсутствии моделей, с помощью которых мы могли бы переформулировать свои проблемы, но и на осознании того, что «исторический ландшафт» не дан историку; историк должен его построить сам. Исследователь, наблюдающий только часть, единичное, не ориентированный на современные историографические практики, не выходит за рамки антикварного отношения к местной истории, поэтому традиционное историческое краеведение обречено на коммуникативную замкнутость. Однако контекстуализм новой локальной истории не угрожает традиционному местному или региональному исследованию, а предлагает возможности осмысления и применения новых проектов и нового исследовательского инструментария.

Новая геополитическая и социокультурная ситуация заставляет осмыслить мир в единстве его многообразия на основе ком-

---

⁴⁷ Подробно: Маловичко С. И. Интеллектуальная история и разработка теоретической базы новой локальной истории в России // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе: Материалы научной конференции 20–22 сентября 2007. — М., 2007. — С. 132–133.

паративных подходов и делает необходимым поиск нового — «глокального» субъекта исторического действия. Новая локальная история отказывается от традиционных территориальных/административных образцов и сосредоточивает внимание на «пространстве» и «пространственных образах», проявляет интерес к «образу жизни», «культурному значению» и т.д. Как уже приходилось писать автору этих строк, пространственный подход к исследованию любого локуса несет в себе импульс отказа от обслуживания государственно-этнического нарратива. Погружающийся во фрагментарные, произвольные пространственно-временные ряды историк перестает быть государственным биографом, так как он не обязательно находит консенсус с метанарративным стилем истории государственной механической сборки территорий⁴⁸.

Предмет новой локальной истории — субъект исторического действия, не тождественный государству, и его существованию как в историческом (собственно историческое знание), так и в коэксистенциальном (социокультурная или социолого-культурологическая составляющая) пространстве. Отсюда следует, что государство, нация, локальная общность рассматриваются не как территориально-генетические «закономерности», а как изобретения и/или конструкции, в истории которых важно выявлять поддерживавшие их культурные факторы, связь социального и культурного пространства, пейзажа и идентичности.

Конституирование новой локальной истории идёт не от объекта исследования (локуса), её организация основывается на методологических процедурах. Новая локальная история — это «способ видеть» локальные и региональные объекты не в традиционных границах, а наблюдать связи поперек административных, политических и культурных границ. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, он не задан ей заранее территориальными рамками⁴⁹. Принципы и методы новой локальной истории близки, если не тождественны «локалистско-интеграционному» подходу разрабатывае-

⁴⁸ См.: Маловичко С. И. Историография после «культурного поворота»: пространственный подход и новая локальная история // V научная интернет-конференция: Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространстве /<http://www.newlocalhistory.com/inetconf/2007/'tezis=ic07malovichko/>.

⁴⁹ См.: Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Новая локальная история как проблемное поле актуального исторического знания // Историческое знание Кубани: становление и тенденция развития (конец XVIII — начало XX в.). — Краснодар, 2006. — С. 73–80.

мой сегодня в Украине региональной истории (новый регионализм)⁵⁰.

Новая локальная история выполняет в наши дни важную культурную функцию, изучая любое сообщества через формулу «локус - как общность, основанная на различии», поэтому исследования открываются не только своей мультисоциальной, но и мультикультурной сторонами⁵¹. Таким образом, новая локальная история представляет собой *экстравертный тип знания*, который, обеспечивает воспитание столь необходимой толерантности за счёт понимания и принятия другого как Другого⁵². Тем самым новая локальная история бросает вызов национализму и местной ксенофобии, дает возможность находить иные темы в пределах больших социальных и культурных структур.

Новая информационная культура, как нам уже приходилось указывать, преобразует наше социокультурное пространство, демассифицирует его, ускоряет движение общества к разнообразию. Новые средства информации ставят человека в иные, нежели ранее, связи с внешним миром⁵³. Проводимые межвузовским центром «Новая локальная история» научные интернет-конференции («Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография» (май 2003 г.); «Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов» (май 2004); «Новые исследовательские практики изучения местной истории» (октябрь 2005); «История города и села: теория и исследовательские практики» (ноябрь 2006); «Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространствах» (декабрь 2007)), подтверждают, что разветвляющаяся сетевая парадигма все больше определяет структуру научных исследований.

Отрадно отметить, что сегодня не только *новая локальная история* рефлексировать об актуальном историческом знании.

⁵⁰ См.: *Верменич, Ярослава*. Парадигми «оновлення» в історичній науці: новий регіоналізм // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. — Вип. 2. — К., 2006. — С. 15; *её же*. Нова локальна історія та історична регіоналістика: експлікація термінів // Регіональна історія України. — Вип. 1. — С. 13–28.

⁵¹ *Булыгина Т. А., Маловичко С. И.* Культура берегов и некоторые тенденции современной историографической культуры // Новая локальная история. — Вип. 2. — Ставрополь, 2004. — С. 16, 18.

⁵² *Румянцева М. Ф.* От формационных и цивилизационных теорий к новой локальной истории, или к вопросу о «гельштальтах» исторического разума // Запад — Россия — Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. — Вип. 2. — Ставрополь & Москва, 2003. — С. 399.

⁵³ См.: *Булыгина Т. А., Маловичко С. И.* Новая локальная история: новые исследовательские практики // Новая локальная история. — Вип. 3. — С. 7.

Как уже выше отмечалось, в британской историографии в этом плане много делает *локальная история*. *Городские историки* все увереннее используют компаративные подходы⁵⁴. Создает собственную теоретическую базу *историческая регионалистика*, что подтверждает плодотворная работа, созданного в 2005 г. Центра теоретико-методологических проблем исторической регионалистики Института истории Украины НАН Украины⁵⁵. В октябре 2007 г. кафедра исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета провела «Первый Всероссийский съезд историков-регионоведов», на котором работала многочисленная секция «Историческое регионоведение: теория и методология»⁵⁶.

О современной теоретической основе все больше задумываются и представители *исторического краеведения*. В декабре 2007 г. кафедра региональной истории и краеведения, а также кафедра москвоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета провели межвузовский научный семинар «Историческое краеведение: теоретико-методологические проблемы»⁵⁷. Несмотря на то, что на семинаре прозвучало предложение считать историческое краеведение широкой организующей институцией, объединяющей как историческое регионоведение, так и новую локальную историю, обсуждение показало, что это разные направления, а непосредственно историческому краеведению сегодня требуется теоретическое основание, без которого оно так не будет признаваться за научное направление или, в лучшем случае, останется «маргиналом» исторической науки.

Современная ситуация прекрасно подтверждает, что сегодня исследователи не могут двигаться к единственно возможной «научной» практике изучения местной истории. Историческое краеведение, локальная, региональная и новая локальная истории впредь будут представлять гетероглосию. Разумеется,

---

⁵⁴ См., например: *Umbach, Maiken*. A Tale of a Second Cities: Autonomy, Culture and the Low in Hamburg and Barcelona in the Late Nineteenth Century // *The American Historical Review*. — 2005. — Vol. 110. — No. 3. — P. 659–660; *Wasserstrom, Jeffrey N*. Is Global Shanghai «Good to Think»? Thoughts on Comparative History and Post-Socialist Cities // *Journal of World History*. — 2007. — Vol. 18. — No. 2. — P. 199–234; *Marc, Baer*. Globalization, Cosmopolitanism, and the Dönme in Ottoman Salonica and Turkish Istanbul // *ibid.* — P. 141–170.

⁵⁵ См.: *Регіональна історія України*. — Вип. 1. — К., 2007.

⁵⁶ См., информацию на сайте «Новая локальная история» /<http://www.newlocalhistory.com/work/20071011.php/>.

⁵⁷ См., информацию там же /<http://www.newlocalhistory.com/hronika/20071226.php/>.

происходящее имеет свои последствия. Понятийное непонимание между направлениями и инструментальное разнообразие не способствует снятию противоречий. Противоречия усиливаются межсубъективными отношениями исследователей и порождают риторику, при помощи которой разные дискурсы пробуют отстаивать «правильность» своего пути в науке. Не следует надеяться, что фрагментация местного и регионального исследовательского поля уйдет в прошлое. Фрагментация сегодня присуща как всей дисциплинарной историографии, так и многим сторонам человеческой деятельности. В науке этого бояться не следует, так как багаж местной и региональной историографии будет только пополняться, будут совершенствоваться исследовательские методы и профессиональные стандарты.